

Межъязыковые параллели в русской и болгарской юридической терминологии

О. В. Барабаш

Пензенский государственный университет
ул. Красная, 40, 440026, г. Пенза, Россия. E-mail: olphil@mail.ru

Формально тождественные терминологические единицы, принадлежащие родственным языкам, могут демонстрировать как совпадение, так и расхождение в семантике и стилистической соотнесенности – в силу собственно лингвистических причин, а также под влиянием экстралингвистических факторов, порождаемых правовыми процессами конкретного государства. Все это осложняет процедуру юридического перевода, а значит, требует детального юридико-лингвистического анализа подобных единиц.

В статье обосновывается необходимость систематизации и комплексного описания формально совпадающих межъязыковых соответствий славянского и неславянского происхождения, в которых хотя бы одна лексическая единица принадлежит юридической терминологии русского либо болгарского языка. Выявленные в современном российском и болгарском законодательстве терминологические пары с одинаковым планом выражения распределяются по шкале семантических соответствий, включающей следующие уровни отношений: нулевая (ложная) семантическая эквивалентность – частичное семантическое сходство – полная семантическая эквивалентность.

Отмечается, что особые трудности могут быть связаны с переводом формально тождественных терминов-девербативов, возникших из одних и тех же элементов на основе одной и той же словообразовательной модели, так как это делает их семантическое несоответствие не столь очевидным. Анализ конкретных примеров демонстрирует, что в близкородственных языках кодификации могут быть подвергнуты разные единицы параллельных внутриязыковых синонимических рядов, в связи с чем игнорирование аспектов функционирования слова в языке приводит к лексико-семантической интерференции.

Автор приходит к выводу, что сопоставительное исследование межъязыковых параллелей в русской и болгарской юридической терминологии имеет важное значение для решения актуальных задач лексикографии и юридического перевода.

Ключевые слова: юридический термин, лексикография, перевод, межъязыковые соответствия, семантическая эквивалентность.

Interlanguage Parallels in Russian and Bulgarian Legal Terminology

O. V. Barabash

Penza State University
40 Krasnaya St., Penza, 440026, Russia, E-mail: olphil@mail.ru

Formally identical terminological units belonging to related languages can demonstrate both coincidence and divergence in semantics and stylistic correlation - due to linguistic reasons, as well as extralinguistic factors generated by the legal processes of a particular state. All this complicates the legal translation procedure, which means that it requires a detailed legal and linguistic analysis of such units.

The article provides rationale for the systematization and comprehensive description of formally matching interlanguage correspondences of Slavic and non-Slavic origin, in which at least one lexical unit belongs to the legal terminology of the Russian or Bulgarian language. The terminological pairs with the same plan of expression identified and equally expressed in the modern Russian and Bulgarian legislation are placed on a scale of semantic correspondences as follows: zero (false) semantic equivalence - partial semantic similarity - full semantic equivalence.

It is noted that particular difficulties can be correlated with the translation of formally identical terms-derived words that arose from the same elements based on the same word-formation model, as this makes their semantic mismatch not so obvious. The analysis of specific examples demonstrates that in closely related languages different units of parallel intralinguistic synonymic series can be codified, and therefore ignoring aspects of the word's functioning in the language leads to lexical and semantic interference in translation.

The author concludes that a comparative study of interlanguage parallels in Russian and Bulgarian legal terminology is important for solving problems of lexicography and legal translation.

Key words: legal term, lexicography, translation, interlanguage correspondences, semantic equivalence.

«...для сопоставительного метода близкородственные языки представляют особый интерес, так как соблазн отождествления своего и чужого там тоже “лежит на поверхности”, но это именно и есть та провокационная близость, преодоление которой таит в себе большие практические трудности».

Реформатский А. А., 1987.

Вводные замечания. Все славянские языки восходят к праславянскому источнику, но при этом каждый следует по своему пути развития. Обнаруживая много общего как в структуре, так и в понятийном фонде, близкородственные языки в то же время демонстрируют, что заложенные в них тенденции развиваются в разных направлениях, а понятия, выражаемые внешне сходными и даже тождественными лексическими единицами, могут существенно различаться по семантическому объему и степени актуальности на данном этапе существования конкретного языка. В связи с этим особый интерес представляет изучение семантики, стилистической принадлежности и дистрибутивных свойств формально совпадающих лексических единиц, параллельно функционирующих в современных близкородственных языках. Следует оговориться, что при сопоставлении межъязыковых лексических параллелей в родственных языках совпадение плана выражения может быть установлено с определенными допущениями, которые обусловлены различиями систем письменности (ср.: рус. «суд» и хорватск. «sud») либо национальными особенностями языков с одинаковой письменностью (ср.: рус. «ущерб», «опыт» и болг. «ущърб», «опит»).

Для обозначения данного феномена исследователи используют разные наименования – в зависимости от ракурса рассмотрения подобных единиц либо от подхода к определению их сущности: «ложные друзья переводчика» [Акуленко 1961: 62], [Борисова 1989]; «межъязыковые омонимы» [Кусаль 2005]; «межъязыковые соответствия омонимичного характера» [Хуцишвили 2010]; «межъязыковая псевдоэквивалентность» [Томилова 2018] и др.

Как показывает анализ научной литературы, большинство работ посвящено изучению межъязыковых параллелей на уровне общеупотребительной лексики. В нашей работе рассмотрение данной проблемы предлагается осуществить в лингвистическом фокусе – на материале русской и болгарской юридической терминологии. В качестве объекта исследования отобраны такие пары формально совпадающих межъязыковых соответствий славянского и неславянского происхождения, в которых хотя бы одна лексическая единица принадлежит юридической терминологии русского либо болгарского языка. Отметим, что в текстах законодательных актов преобладают имена существительные, их массовая доля может составлять до 60-80 процентов от общего количества слов в предложении [Барабаш 2013: 5]. Это обусловлено потребностью в номинации правовых понятий, предметов и явлений. Поэтому в поле нашего внимания попадают прежде всего терминологические единицы, называющие предмет (в широком смысле) либо опредмеченное действие, иными словами, имена существительные (в том числе девербативы).

Не случайно и обращение именно к юридической терминологии. Наши наблюдения показывают, что значительная часть терминов российского и болгарского права образованы на основе общеупотребительных слов. Как мы уже отмечали в предыдущих работах, в семантической структуре производного юридического термина, восходящего к общеупотребительному слову, происходит наращение к ядерной семе дополнительных смысловых компонентов, сознательно устанавливаемых законодателем и значимых в контексте конкретных правоотношений. Результатом подобного наращения становится двойное кодирование информации (общезыковой и собственно терминологической) [Барабаш 2017: 74]. Характерно, что в отдельных случаях возникают существенные внутриязыковые расхождения смыслов общеупотребительного слова-основы и производного юридического термина, что влечет вероятность неоднозначной интерпретации терминов и может затруднять правовую коммуникацию. Соответственно, все это приводит к определенным сложностям при осуществлении юридического перевода, особенно в тех случаях, когда в близкородственном языке существует внешне тождественный термин, использование которого требует тщательного предварительного лингво-правового анализа.

В качестве материала исследования выступают тексты действующих нормативных правовых актов России и Болгарии; лексикографические источники (толковые, этимологические, специальные, а также двуязычные словари); Национальный корпус русского языка и Български национален корпус (Болгарский национальный корпус).

Цель данной статьи – на примере анализа отдельных юридических терминов, выявленных в российском и болгарском законодательстве и имеющих одинаковый план выражения, обосновать назревшую потребность в систематизации таких межъязыковых параллелей, функционирующих в правовом дискурсе; классифицировать типы подобных соответствий.

Типы формально тождественных соответствий. При сопоставлении языков выделяют три типа эквивалентности лексических единиц:

- а) полная эквивалентность;
- б) частичная эквивалентность;
- в) ложная эквивалентность (безэквивалентность) [Дубичинский 2008: 101].

Степень семантической близости формально совпадающих в русском и болгарском языках юридических терминов также может быть различной. В связи с этим, на наш взгляд, терминологические пары с одинаковым планом выражения могут быть распределены по шкале семантических соответствий, включающей следующие уровни отношений: нулевая (ложная) семантическая эквивалентность – частичное семантическое сходство – полная семантическая эквивалентность.

Под нулевой семантической эквивалентностью мы понимаем межъязыковую омонимию, при которой (по аналогии с внутриязыковой омонимией) план содержания не обнаруживает каких-либо признаков сходства, а план выражения терминов совпадает. По происхождению это могут быть межъязыковые соответствия, образовавшиеся независимо друг от друга из одних и тех же элементов и разошедшиеся в историческом развитии настолько, что в современных близкородственных языках не демонстрируют общих сем; либо окказиональные образования, внешнее совпадение которых можно назвать, пользуясь метафорой В. И. Абаева, лишь «игрой случая» [Абаев 1957: 40].

Классическими примерами ложной эквивалентности при сопоставлении общеупотребительной русской и болгарской лексики стали слова «булка» (рус. – «хлебное изделие») и «булка» (болг. – «невеста»); «гора» (рус. – «возвышенность») и «гора» (болг. – «лес»). Анализ нормативных правовых актов России и Болгарии свидетельствует о том, что подобного рода единицы встречаются и среди юридических терминов. При этом особую сложность для перевода представляют термины-девербативы, возникшие из одних и тех же элементов на основе одной и той же словообразовательной модели, что делает их семантическое несовпадение не столь очевидным.

— Так, например, сравним словосочетания на болгарском и русском языках:

(1) «износ на огнестрельно оружие» [Закон 2015, Чл. 121а. (1)].

(2) «износ оружия» [Пояснительная записка].

Мы видим два графически совпадающих термина-девербатива, образованных нулевой суффиксацией. На первый взгляд носителю русского языка может показаться, что в обоих примерах речь идет об износе огнестрельного оружия, то есть ухудшении его состояния, обветшании и обесценении в результате длительной эксплуатации. Именно такое значение слову «износ» дают современные толковые словари русского языка.

Однако, несмотря на формальное совпадение префикса и одинаковый корень, восходящий к праславянскому *nesti [ЭССЯ 1999: 21-22], в болгарском языке термин «износ» имеет другое значение: «Изнасяне на стоки, суровини или капитали за чужбина с търговска цел или като изпълнение на условия от договор с друга държава; експорт. Противоп. внос, импорт» [Речник на българския език].

Возникает интересная взаимосвязь смежных корней и префиксов. Семантически болгарский префикс *из-* сближается здесь с русским *вы-*: они формируют в глаголах и соответствующих девербативах компонент значения 'направление действия, движение изнутри наружу' либо 'изъятие, извлечение, удаление какой-либо части предмета или одного предмета из другого'. Сравним: рус. «выход» – болг. «изход»; рус. «вынос» – болг. «изнасяне»; рус. «выстрел» – болг. «изстрел»; рус. «выкуп» – болг. «изкупуване» (действие) [Новый болгарско-русский и русско-болгарский словарь] и т. п.

В современном русском языке приставка *из-* также может участвовать в формировании в глаголах указанного значения, например: «изгнать», «извлечь», «извергать», от которых суффиксальным способом образуются соответствующие существительные («изгнание», «извлечение», «извержение»). Для глагола «изнести» словарь В. И. Даля указывает значение «выносить, вытаскивать вон» и приводит пример употребления отглагольного имени существительного: «Износ мёду – в пасаках, унос, грабеж меда чужим роем» [Даль, 2001: 292]. Однако современные толковые словари такого значения для слова «износ» уже не фиксируют, как и не включают в словарные статьи инфинитив «изнести». Уход глагола «изнести» в пассивный запас языка подтверждается и обращением к Национальному корпусу русского языка, где контексты употребления данного слова в указанном значении соотносятся с источниками не позднее конца XIX, например:

(3) «Я продолжал свое домашнее чтение, но рвался, между прочим, не только вобрать в себя, но и изнести из себя что-нибудь» [Гиляров-Платонов, 1886].

Характерно, что болгарскому термину «износ» в русском языке семантически более близким оказывается не «вынос», а «вывоз». В то же время при переводе следует учитывать, что в русском языке «вывоз» не равен «экспорту» («экспорт» – 'вывоз товаров и услуг за границу для реализации их на внешнем рынке'), о чем свидетельствует возможность сочетаний типа «вывоз ценностей за границу без цели продажи», «вывоз некачественного товара», «вывоз мусора» и др.

Наконец, отметим и акцентологические различия: в болгарском термине «износ» ударение падает на приставку, а в русском слове – на корень.

Таким образом, фразу (1) следует перевести на русский язык как «экспорт огнестрельного оружия», а русское «износ» и болгарское «износ» образуют пару формально тождественных единиц, демонстрирующих ложную семантическую эквивалентность.

Как справедливо пишет Р. А. Будагов, «синхронное значение вырастает из значения диахронного и на него опирается. Вместе с тем синхронное значение может отрицать значение диахронное, намечая совершенно новые отношения между словами» [Будагов 1963: 75]. Так, нулевую эквивалентность демонстрируют в синхронии болгарский правовой термин «запор» ('запрет на распоряжение имуществом') и русское общеупотребительное «запор». Существующее в современном русском языке значение 'затрудненное, медленное действие кишечника' является для болгарского языка устаревшим и диалектным; а значение 'устройство, которым запирают, замыкают' отсутствует в нем вовсе.

Другой тип соотношения значений наблюдается в парах межъязыковых единиц, обнаруживающих при формальном тождестве семантическое сходство.

Рассмотрим в качестве примера термины «арест» (рус.) и «арест» (болг.).

Обратившись к этимологическому словарю болгарского языка, выясняем, что слово «арест» было заимствовано через русский (арест) и немецкий (Arrest) языки [Български етимологичен речник 1971: 14]. Согласно словарю М. Фасмера в русский язык слово «арест» пришло через польский и также происходит от немецкого Arrest, которое, в свою очередь, восходит к ст.-франц. arrest [Фасмер 2003: 85].

В то же время сравнение контекстов употребления данных единиц в русском и болгарском языках позволяет выявить, что объем выражаемых этими словами понятий различен. Это связано с тем, что в результате развития регулярной полисемии были реализованы разные ее модели. Так, в болгарском языке полисемия слова «арест» развивается в рамках модели «действие – место, где осуществляется действие»: «Арест - мн. арести, (два) ареста, м. 1. Задържане на лице под стража. 2. Помещение, в което държат под стража» [Речник на българския език, 2001].

Соответственно, в болгарском языке возможны сочетания типа «переполненный арест», например:

(4) «Много положительного се отзова за акцията на подпоручика. – И какви са резултатите от Нея? – Препълнен арест» [Эдигей 1990].

Лексико-семантический вариант 'помещение, где держат под стражей' является производным. В русском языке такая модель реализована, например, в словах типа «переход», «проезд» (и многих других с корнями *ход-* или *езд-*). Сравним:

(5) Проезд запрещен!

(6) Переход через горы был утомительным.

(7) Проезд закрыт.

(8) Переход завалило камнями.

Очевидно, что в примерах (5) и (6) девербативы имеют значение опредмеченного действия, обозначаемого мотивирующим глаголом, а в (7) и (8) – места, где осуществляется действие. В качестве примеров, реализующих в русском языке в том или ином варианте модель «действие – место», можно привести полисеманты «инспекция», «парковка», «укрепление», «остановка», «стройка», «поселение», «окружение», «расположение», «помещение», «поворот» и мн. др. Однако слово «арест» в русском языке подобного значения не развивает, обнаруживая семантическое движение в другом направлении. Так, толковые словари русского языка выделяют три лексико-семантических варианта: «Арест м. 1) Заключение под стражу, лишение свободы. 2) Запрещение распоряжаться имуществом, денежными средствами, налагаемое судебными органами. 3) разг. Изъятие из обращения или запрет на распространение печатных произведений» [Ефремова 2000]. Следовательно, в русском языке, в том числе в институциональном дискурсе, возможны не только сочетания типа «поместить под домашний арест», но и «наложить арест (на имущество, собственность, денежные средства, печатную продукцию)». В болгарском же языке для выражения значения наложения запрета используется другое, уже упоминавшееся

нами, слово – «запор», которое в толковых словарях имеет помету «юрид.» и функционирует в качестве термина в болгарском законодательстве, например:

(9) «Същото наказание се налага и на онзи, който се разпорежда с вещ, поставена под запор и оставена му за пазене» [Наказателен кодекс Чл. 277, ред. 2002].

Как отмечает В. Н. Комиссаров, «любое слово находится в сложных и многообразных семантических отношениях с другими словами данного языка, и эти связи отражаются в его семантике» [Комиссаров 1990 : 89]. Учет этих связей особенно важен, на наш взгляд, в тех случаях, когда межъязыковую параллель образуют наиболее близкие по смыслу и совпадающие формально единицы.

Так, словам современного русского языка «обида» и «оскорбление» находим формальные соответствия «обида» и «оскърбление» в болгарском языке. Эти слова входят во внутриязыковые синонимические ряды (см. [Абрамов 2008: 98-99], [Български синонимен речник]).

В болгарском языке слово «оскърбление» появилось путем заимствования из русского языка и функционирует как общеупотребительное. В свою очередь, юридическую «надстройку» получило более древнее слово «обида», функционирующее, в частности, в уголовном законодательстве Болгарии, например:

(10) «Който каже или извърши нещо унижително за честта или достойнството на друго в негово присъствие, се наказва за обида с глоба от хиляда до три хиляди лева. В този случай съдът може да наложи и наказание обществено порицание» [Наказателен кодекс 1968].

Данным пунктом открывается раздел VII «Обида и клевета», где устанавливается состав рассматриваемого преступления.

В русском языке кодификации подверглось более узкое по смыслу слово «оскорбление», которое стало одним из ключевых терминов статьи 5.61 КоАП РФ [Кодекс об административных правонарушениях 2001], а также структурным элементом многокомпонентных юридических терминов уголовного законодательства: «оскорбление чувств верующих» (ст. 148 УК РФ); «оскорбление представителя власти» (ст. 319 УК РФ); «оскорбление военнослужащего» (ст. 336 УК РФ) [Уголовный кодекс 1996].

Соответственно, в российских нормативных и правоприменительных актах, а также в экспертной практике по делам об оскорблении, унижении чести и достоинства употребляются такие сочетания, как «оскорбительные выражения и реплики» [Приказ МВД 2017]; «оскорбительное поведение» [Послание Президента 2012]; «оскорбительный характер информации (высказывания)» и т. п.

Таким образом, болгарскому юридическому термину «обида» соответствует термин российского права «оскорбление». В связи с этим выражение «обидное речевое поведение болгарского политика» [Попова 2019: 475] представляется результатом интерференции и примером ошибочного выбора варианта перевода.

Как справедливо указывает В. Н. Комиссаров, «неточная или неполная передача содержания оригинала препятствует выполнению общественной функции перевода: сделать мысли автора доступными членам иного языкового коллектива» [Комиссаров 1990: 7]. В научной сфере невнимание к требованию точности в передаче содержания того или иного термина может стать причиной коммуникативной неудачи, а в деловой и правовой коммуникации ошибочный выбор терминологического варианта может повлечь судебные разбирательства, например, на почве разночтений сторон в толковании содержания договора.

К сожалению, даже обращение к словарям, в том числе юридическим, иногда не дает возможности подобрать оптимальный вариант перевода термина. Так, в словарях не всегда ясен статус предлагаемых переводческих соответствий: являются ли они авторским вариантом перевода исходного термина или соответствующим термином правовой системы другого языка? При этом остается под вопросом и степень эквивалентности данных единиц. В свою очередь, в неспециальных русско-болгарских и болгарско-русских словарях нередко представлены незамкнутые и не снабженные стилистическими пометами цепочки соответствий, опираясь на которые выбрать вариант перевода, тем более для юридических целей, представляется затруднительным (например, для рус. «пособник» предлагается болг. «помогач», а для болг. «помогач» – рус. «помощник» [см. Новый болгарско-русский и русско-болгарский словарь]). Подобные лексические единицы требуют изучения, описания и упорядочения.

В заключение отметим, что наибольшую степень семантической близости в русском и болгарском языке демонстрируют юридические термины, заимствованные из неславянских языков, особенно такие термины, которые появились в результате рецепции римского права и имплементации в национальное законодательство норм международного права, например: «ипотека» (рус.) – «ипотека» (болг.); «эмансипация» (рус.) – «еманципация» (болг.), «сервитут» (рус.) – «сервитут» (болг.) и т. п.

Выводы. Выявление и анализ межъязыковых лексических параллелей в русской и болгарской юридической терминологии представляется важной и актуальной задачей. Как пишет Р. А. Будагов, «семантика синхронии вносит существенную правку в семантику диахронии. Этимологические связи между словами родственных языков могут настолько ослабляться, что соответствующее слово одного языка часто оказывается ближе по смыслу не к его этимологическому корреляту в другом родственном языке, а совсем к иному образованию» [Будагов 1963: 74-75]. Действительно, формально тождественные терминологические единицы, принадлежащие родственным языкам, могут демонстрировать как совпадение, так и расхождение в семантике и стилистической соотнесенности – в силу собственно лингвистических причин, а также под влиянием экстралингвистических факторов, порождаемых правовыми процессами конкретного государства. Полагаем, что изучение семантической структуры подобных юридических терминов в сопоставительном аспекте представляет значительный теоретический интерес, так как дает возможность уточнить их этимологию, проследить общие тенденции формирования терминологических значений, а также высветить «скрытые», национально обусловленные семантические компоненты терминов, восходящих к общему этимону. Все это имеет важное значение для установления степени семантической эквивалентности рассматриваемых лексических единиц, а следовательно, для решения задач лексикографии и юридического перевода.

Литература

Абаев В.И. О подаче омонимов в словаре / Вопросы языкознания. – 1957. – № 3. – С. 31-44.

Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. Около 5000 синонимических рядов. – М., 2008.

Акуленко В.В. Существует ли интернациональная лексика? / Вопросы языкознания. – 1961. – №3. С. 60-68.

Барабаш О.В. Нарращение смысловых компонентов в процессе образования юридических терминов / Русистика сегодня: традиции и перспективы. Сборник докладов юбилейной международной научной конференции (София, 23-25 ноября 2016 г.). – София, 2017. – С. 74-80.

Барабаш О.В. Юридический термин: проблемы изучения / Юрислингвистика: Научно-практический журнал. – 2013. – № 2(13). – С. 5-11.

Борисова Л.И. Ложные друзья переводчика научно-технической литературы. Часть 1: Методические пособие. – М., 1989.

Будагов Р.А. Сравнительно-семасиологические исследования (Романские языки). – М., 1963.

- Български синонимен речник. URL: <https://slovoed.com/search/synonymous/%D0%BE%D0%B1%D0%B8%D0%B4%D0%B0>
- Български етимологичен речник. Том 1 (А–З). Съставили: Вл. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев. Редактор: Вл. И. Георгиев. – София, 1971, ХСV+679 с. URL: <https://ibl.bas.bg/ber/>
- Гиляров-Платонов Н.П. Из пережитого. Том 1 (1886) / Национальный корпус русского языка URL: http://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&dpp=&spp=&spd=&mydocsize=&mode=main&sort=i_grtagging&lang=ru&nodia=1&text=lexform&req=изнести
- Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. – М., 2001.
- Дубичинский В.В. Лексикография русского языка : учеб. пособие. – М., 2008.
- Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. – М., 2000.
- Закон 2015 за изменение и допълнение на закона за оръжията, боеприпасите, взривните вещества и пиротехническите изделия (дв. бр. 73 от 2010 г.) Обн. Дв. Бр. 56 от 24.07.2015 г. URL: <https://www.lex.bg/bg/laws/lodoc/2136567920>
- Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195-ФЗ (ред. от 24.04.2020). – URL: <http://www.consultant.ru>
- Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М., 1990.
- Кусаль К.Ч. Русско-польская межъязыковая омонимия как лексикографическая проблема: монография. – СПб., 2005.
- Наказателен кодекс. В сила от 01.05.1968 г., изм. и доп. Дв. бр.23 от 14 Март 2020 г. – URL: <https://www.lex.bg/bg/laws/tree/code>
- Новый болгарско-русский и русско-болгарский словарь. – М., 2013.
- Попова В.А. «Наивная» лингвистическая экспертиза и современное болгарское общество / Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы: сборник научных работ по итогам Международной научной конференции «Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы» (Москва, 1–2 октября 2019 г.). – М., 2019. – С. 474-481.
- Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2012 "Послание Президента Владимира Путина Федеральному Собранию РФ". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138990/
- Пояснительная записка «К проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон "Об оружии"». URL: <http://www.consultant.ru>
- Приказ МВД России от 23.08.2017 № 664 (ред. от 21.12.2017) "Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения" (Зарегистрировано в Минюсте России 06.10.2017 № 48459). URL: <http://www.consultant.ru>
- Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика. – М., 1987. – С. 40-52
- Речник на българския език (Институт за български език). URL: <https://ibl.bas.bg/rbe/lang/bg>
- Речник на българския език. Т. 1 (А – Б). – София, 2001.
- Томилова А.И. Явление межъязыковой псевдоэквивалентности в русском и французском языках: теоретические и прикладные аспекты: монография / Под науч. ред. Н. Н. Лыковой. – Екатеринбург, 2018.
- Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020). URL: <http://www.consultant.ru>
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 1: А-Д: ок. 4000 слов/ М. Фасмер; Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 4-е изд., стер. – М., 2003.
- Хуцишвили С.Д. Славянские межъязыковые омонимы: дисс. на соискание академической степени доктора филологии (PhD). – Тбилиси, 2010.
- Эдигей Е. Смъртта дебне под прозореца / Български национален корпус. URL: <http://search.dcl.bas.bg/>
- Этимологический словарь славянских языков (ЭССЯ). Праславянский лексический фонд. – Выпуск 25 (*neroditi - *novotъnъ(jь))/ Под ред. акад. О. Н. Трубачева. – М., 1999.

References

- Abaev, V.I. (1957) On the supply of homonyms in the dictionary. Questions of linguistics. No. 3 (May-June), 31-44.
- Abramov, N. (2008) Dictionary of Russian synonyms and similar expressions. About 5,000 synonymous series. Moscow (in Russian).
- Akulenko, V.V. (1961) Is there an international vocabulary? Questions of linguistics. No. 3. 60-68 (in Russian).
- Varabash, O.V. (2013) Legal term: problems of study. Jurislinguistics: Scientific and practical journal. No. 2 (13), 5-11(in Russian).
- Varabash, O.V. (2017) The growth of semantic components in the process of formation of legal terms. Russian Studies today: traditions and prospects. Collection of reports of the anniversary international scientific conference (Sofia, November 23-25, 2016). Sofia, 74-80 (in Russian).
- Borisova, L.I. (1989) False friends of a translator of scientific and technical literature. Part 1: Toolkit. Moscow (in Russian).
- Budagov, R.A. (1963) Comparative Semasiological Studies (Romance Languages). Moscow (in Russian).
- Bulgarian dictionary (Bulgarian language institute). Available from: <https://ibl.bas.bg/rbe/lang/bg> (in Bulgarian).
- Bulgarian dictionary T. 1 (A - B) (2001). Sofia (in Bulgarian).
- Bulgarian etymological dictionary (1971) Volume I (A – Z). Compiled by: Vl. Georgiev, Iv. Galabov, J. Zaimov, St. Ilchev. Editor: Vl. I. Georgiev. Sofia. Available from: <https://ibl.bas.bg/ber/> (in Bulgarian).
- Criminal Code of the Republic of Bulgaria. In force since 01.05.1968, amended. and ext. of 14 March 2020. Available from: <https://www.lex.bg/bg/laws/tree/code> (in Bulgarian).
- Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on April 7, 2020) (as amended and supplemented, entered into force on April 12, 2020). Available from: <http://www.consultant.ru> (in Russian).
- Dal, V.I. (2001) Explanatory Dictionary of the Russian Language. The modern version. Moscow (in Russian).
- Dubichinsky, V.V. (2008) Lexicography of the Russian language: textbook. allowance. Moscow (in Russian).
- Edigey, E. (1990) Death lurks under the window / Bulgarian National Corps. Available from: <http://search.dcl.bas.bg/> (in Bulgarian).
- Efremova, T.F. (2000) New explanatory and derivational dictionary of the Russian language. Moscow (in Russian).
- Etymological dictionary of Slavic languages. Pre-Slavic lexical fund. Issue 25 (*neroditi - *novotъnъ(jь)) (1999). Moscow (in Russian).

Explanatory note on the draft federal law "On Amendments to the Federal Law "On Weapons". Available from: <http://www.consultant.ru> (in Russian).

Fasmer, M. (2003) Etymological Dictionary of the Russian Language: In 4 vols. T. 1: AD. Moscow (in Russian).

Gilyarov-Platonov, N.P. (1886) From the experience. Volume 1. Russian National Corpus. Available from: http://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&dpp=&spp=&spd=&mydocsize=&mode=main&sort=i_grtagging&lang ru & nodia = 1 & text = lexform & req = wear (in Russian).

Khutsishvili, S.D. (2010) Slavic interlingual homonyms. Diss. for the degree of Doctor of Philology (PhD). Tbilisi (in Russian).

Komissarov, V.N. (1990) Translation theory (linguistic aspects). Moscow (in Russian).

Kusal, K.Ch. (2005) Russian-Polish interlanguage homonymy as a lexicographic problem: monograph. St. Petersburg (in Russian).

Law on Amendments to the Law on Weapons, Ammunition, Explosives and Pyrotechnic Articles (2010) Prom. of 24.07.2015 Upd. Available from: <https://www.lex.bg/bg/laws/ldoc/2136567920> (in Bulgarian).

Message from the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated 12.12.2012 "Message from President Vladimir Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation". Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138990/ (in Russian).

New Bulgarian-Russian and Russian-Bulgarian dictionary. (2013). Moscow (in Russian, in Bulgarian).

Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated August 23, 2017 No. 664 (as amended on December 21, 2017) "On approval of the Administrative Rules for the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation to exercise the state function to carry out federal state supervision of compliance by road users with the requirements of the legislation of the Russian Federation in the field of road safety" (Registered in the Ministry of Justice of Russia on October 6, 2017 No. 48459). Available from: <http://www.consultant.ru> (in Russian).

Popova, V.A. (2019) "Naive" linguistic examination and modern Bulgarian society. Modern theoretical linguistics and the problems of forensic science: a collection of scientific papers based on the results of the International Scientific Conference "Modern Theoretical Linguistics and the problems of forensic science" (Moscow, October 1–2, 2019 g.). 474-481. (in Russian).

Reformatsky, A.A. (1987) Linguistics and poetics. Moscow (in Russian).

The Code of the Russian Federation on administrative offenses dated December 30, 2001 No. 195-FZ (as amended on April 24, 2020). Available from: <http://www.consultant.ru> (in Russian).

Tomilova, A.I. (2018) The phenomenon of interlanguage pseudoequivalence in the Russian and French languages: theoretical and applied aspects: monograph. Ekaterinburg (in Russian).

Citation:

Барабаш, О. В. Межъязыковые параллели в русской и болгарской юридической терминологии. // Юрислингвистика. – 2020. – 16. – С. 5-10.

Barabash, O.V. (2020). Interlanguage parallels in Russian and Bulgarian legal terminology. *Legal Linguistics*, 16, 5–10.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License
